

... Смерть Дельвига была страшным знаком того, что последняя часть предсказания немки начала сбываться. Тогда я этого еще не понимал, но теперь все предстает значительным и завершенным. Кольцо, оброненное во время венчания, и потухшая свеча бесповоротно убедили меня, что из женитьбы ничего хорошего не выйдет. В конечном счете мы сами себе предсказываем судьбу. Чтобы совсем не упасть духом, я утешал себя предвкушением брачной ночи, первых радостей обладания Н., и молил Бога продлить их как можно дольше в моей семейственной жизни. Жажда полного счастья влекла меня к женитьбе. Именно женитьба представлялась мне всеисцеляющим лекарством от моего беспутства и тоски.

Это была попытка убежать от себя, но способного измениться, не имеющего характера стать иным. Н. была моей роковой удачей, которую я выторговал у ее матери, пожертвовав приданым и наделав долгов. После помолвки, поджидая день свадьбы, я придумывал, как я изменюсь и как изменится моя жизнь, когда я дам клятву верности, ибо я искренне намеревался сблюдать ее. Раньше я и по пяти женщин имел на дню. Я привык к разнообразию пизд, женских повадок в ебле и всему, что отличает одну женщину от другой. Разнообразие сие не давало моим страстиям задремать, и постоянная погоня за ним составляла суть моего бытия. Когда я впервые увидел Н., я понял, что случилось неотвратимое. Желание немедленно обладать ей было таким сильным, что мгновенно превратилось в желание жениться. Это случалось со мной и раньше, но никогда с такой силой, никогда я не чувствовал такого восторга от своей избранницы. Когда мое предложение было, наконец, принято, я на правах жениха ухитрялся оставаться с Н. наедине. Я обнимал ее, и водя рукой по грудям, царапал ногтем по платью там: где должны были быть соски, и скоро мой ноготь начинал об них спотыкаться. Н. краснела, но руки мои не отталкивала, а лишь шептала: «Не надо, маман может увидеть». Мать ее — порядочная блядь, злобная оттого, что, кроме конюхов, на Полотняном Заводе, ее никто ебать не хотел. Она была не прочь подставить себя, но мне, конечно, было не до нее. Она всячески притесняла своих дочерей, держа их, как в монастыре. А я глядел на сестричек и подумывал превратить их монастырь в свой гарем. Я, жених, укорял себя за такие греховные мысли, но избавиться от них было невозможно. Я обожал мою монашенку и шаг за шагом планировал превращение ее в искусственную развратницу. Но моим планам не дано было осуществиться, и, наверно, за это я люблю Н. по сей день. Наш медовый месяц пролетел в сладостной учебе: я учился языку, на котором говорит ее тело, а Н. училась откликаться не только на мой язык. Мое упорство и ее прилежание все чаще доводили Н. до восторженных стонов, звучащих для меня, как музыка. Обладать идеальной красотой, которая вдобавок досталась тебе девственной, это самое большое счастье, что выпадает на долю мужчины. Острота его так велика, что длиться долго оно не может. Когда я погружался в мою новорожденную жену, смыкая объятия, чувствуя ее шевеление, еще не выросшее из-за стыда в поддавание, и слыша ее горячее дыхание у моего уха, я испытывал состояние торжества, которое мог испытывать только Бог в момент творения.

* * *

Сколько радости было для меня вести Н. по извилистым тропинкам в саду сладострастья. Когда я впервые поставил ее на четвереньки и предо мной открылись две дольки ее солнечной жопки, ноги ее оказались слишком длинными для меня, и мне пришлось

подняться с колен, чтобы достичь пизды. Я сказал ей, чтобы она прогнула спину. Н. замешкалась и вместо того, чтобы прогнуться, выгнулась дугой. Я расхохотался ее святому неведению, и она удивленно обернулась на меня, как оборачивается корова, когда к ней подходит сзади. Я положил руку на спину моей Мадонны и нажал вниз, указывая, что от нее требовалось. Н. послушно повиновалась и, ощущив, зачем это было нужно, рассмеялась сама, не ведая, что смех вызывает конвульсии в пизде. Я потом пытался научить ее сжимать мне хуй, не смеясь, а по моему указанию, но она бездарна как любовница, и мне приходится щекотать ее или заставлять кашлять, чтобы ее пизда ожила. Кончает она только один раз за ночь и, кончив, больше ничего не хочет. Для жены это ценное свойство, она не докучает похотью, когда хочешь спать. Но поначалу я ее щекотал изрядно. Я все время чувствовал, будто обманул природу: я, карлик с лицом обезьяны, обладаю богиней. И оценить, насколько хорош я в любви, она не может, потому что для этого нужно сравнение, упаси Бог. В те первые дни мы договорились не утаивать даже самых сокровенных мыслей друг от друга. Я прекрасно понимал, что мне этот договор не выполнить, но я хотел воспитать в Н. чувство необходимости делиться со мной своими мыслями и желаниями. Главное, не гневаться, что бы она мне ни рассказала. Иначе, впредь она будет бояться быть откровенной. Следуя сей заповеди, я изо всех сил крепился, чтобы не выказать бурю негодования или ревности. Н. приняла близко к сердцу наш договор, и на мой вопрос, какие были у нее любовные приключения, она повинилась. Когда ей было лет четырнадцать, она с матерью и сестрами была приглашена на бал во дворец к государю. В какой-то момент она затерялась среди гостей; к ней подошла красавица-фрейлина и прошептала на уху, что государь хочет, чтобы ему представили Н. Моя девочка затрепетала от страха и покорна пошла за фрейлиной. Та привела ее в кабинет, где в кресле сидел государь. Фрейлина представила Н. и удалилась, оставив ее стоять посреди сумрачного кабинета. Государь встал с кресла, пересел на диван и усадил рядом с собой Н. Он задавал ей вопросы, а тем временем задирал ей платье все выше и выше. Н. не смела пошевелиться и старалась исчерпывающе отвечать на вопросы. Когда венценосный развратник раздвинул ей ноги, Н. почувствовала, как «волны жара стали захлестывать» ее — так она описала свое состояние. Но вдруг в дверь кто-то постучал. Государь поднялся, оправил платье на Н. и вышел из кабинета. Через минуту явилась фрейлина, которая привела Н., и отвела ее обратно в залу, где танцевали гости. Мать уже стала волноваться исчезновением Н., но когда фрейлина объявила ей, что Н. была представлена государю, успокоилась и лишь с подозрением посмотрела на дочь. Та была так возбуждена случившимся, что мать дома позвала ее к себе и спросила, оставалась ли Н. с государем наедине. Н. ответила, что да, в кабинете никого, кроме них не было, но государя куда-то позвали, и они не успели ни о чем поговорить. «Ах, ты, лгунишка!» — как можно спокойнее сказал я, опасаясь, что Н. услышит скрежет моих зубов. Но женка ответила, что она не любит лгать и, мол, все, что она сказала матери было правдой, а мать ей больше вопросов не задавала. Когда Коко стала фрейлиной я запретил ей переезжать жить во дворец, чем еще больше обозлил к себе государя. Н. была смущена деньгами, которые подарил ей к свадьбе государь, и я запомнил это. Когда мы переехали в Царское Село, она всячески избегала встречи с государем, выбирая уединенные места для гуляния. Но гуляя вокруг озера, мы все-таки встретились с царствующей четой, и императрица пригласила Н. во дворец. Дома Н. стала жаловаться мне на то, как ей не хочется появляться в свете. Это мне показалось подозрительным, и я вытянул у нее вышеописанное признание. О порочной невинности

государевых страстей я знал давно от фрейлины, которую я лечил еблей от нервных припадков. Так что признание Н. не было для меня новостью, я знал, чего добивался, когда спрашивал ее. Мне просто не хотелось узнавать, что и моя жена была его «живой картинкой». Государь дал великую клятву верности государыне и потому не ебет никого, кроме нее. Но чтобы как-то причаститься к неприкосновенным красотам окружающих его дам, он приказывает им раздеваться и раздвигать перед ним ноги. Упиваясь открывшимся зрелищем, он дрочит и спускает на лоно красавиц и, так и не прикоснувшись к ним, покидает их.

Государыня знает об этом, но не считает, что таким способом клятва нарушается. Если многие фрейлины страдают от «невинности» отношений с государем, то Н. заверяет меня, что она только счастлива. Она тогда боялась возобновления царских посяганий. Я утешил ее, посоветовав сказать государю, будто я такой ревнивый, что дал страшную клятву убить всякого, кто хотя бы увидит ее пизду. Она потом заверяла, что ей вскоре представился случай, и она передала это царю в ответ на его желание уединиться с ней, и якобы с тех пор он больше не заговаривал об этом. Я знаю, что он боится меня, но как он будет счастлив, если я помру. Сукин сын! Я тогда уже, в глубине души, жалел о навязанном Н. договоре откровенности, но я подготовился принимать все приятные и неприятные последствия соблюдения ее этого договора. Неведение мыслей своей жены грозит рогами, а это мне омерзительно и невыносимо. Уж я-то попользовался неведением мужей и любовался их свежевыросшими рогами, еще не видимыми никому, кроме меня. Раз, когда я хотел опять утвердить свою власть над телом моей красавицы, она сказала:

— Я хочу поверить тебе еще одну сокровенную мысль.

— Что же это за мысль? — насторожился я. — Я не хочу больше, я хочу спать, — сказала она устало.

Я облегченно расхохотался.

— Ты спи, а я возьму тебя спящую. На том и порешили. Я еб ее, похрапывающую, стараясь не разбудить. Вот она, спящая красавица, которая от поцелуев не просыпается. Вот она, не сказка, а быль.

* * *

Я старался, чтобы Н. поскорее забрюхатела. Первые месяцы нашего брака, до того, как в Н. влюбился свет, она изрядно тяготилась своим досугом. Я учил ее играть в шахматы, дал ей читать «Историю» Карамзина, но это нагнало на нее еще большую скуку, зато дурацкие французские романы она могла читать подолгу и с детским увлечением. Однажды я прочел ей пару своих пьесок, но она прослушала их с таким равнодушием во взоре, что я более не решался докучать ей своей поэзией, а она и не спрашивала. Самое большое удовольствие она получает от новых тряпок и от комплиментов ее красоте. Это меня умиляло и ничуть не огорчало. Я знал, что, когда пойдут дети, она будет занята настоящим делом. Покамест она могла заниматься вышиванием, а я наблюдать за ее красивым лициком, которое приносит мне удовольствие уже более эстетическое, чем эротическое. Половина моей жизни, связанная с поэзией, была безразлично отвергнута Н. Оставалась другая половина — любовь, в которой острота ощущений исчезла, а потому страсть уступила место нежности. Но только в остроте ощущений мы находим упоение. Я, гордившийся своей славой любовника не менее, чем славой поэтической, я в семейственной жизни не находил места для своего поприща. Н. тешила мое тщеславие своей красотой, добротой и невинностью. Но невинность постепенно превратилась в кокетство, доброта — в сентиментальность, а красота стала для меня

привычной и потому незаметной. Только когда все восхищаются красотой Н., я испытываю гордость, которая, увы, все чаще превращается в ревность. В первый раз в моей бурной жизни я стал изо дня в день засыпать и просыпаться с одной и той же женщиной. Сладость новизны всегда быстро теряла для меня свою прелест, и я, не задумываясь, менял любовниц или прибавлял к одной другую. Я с прискорбием понимал, что женатому человеку так поступать не подобает. Разница между женой и любовницей в том, что с женой ложатся в кровать без похоти. Потому-то брак и свят, что из него постепенно вытесняется похоть, и отношения становятся или дружескими, или безразличными, а часто и враждебными. Тогда обнаженное тело уже не считается грехом, потому что не вводит в соблазн. Иногда я испытывал успокоение, тихую радость, глядя невинно на мою Мадонну (ведь только так и надо смотреть на Мадонну). Похоть становилась малой частью нашей жизни, большей частью было наше сожительство, полное забот и мелочей; сожительство, оскопляющее страсть. Пизда Н. непростительно, но неизбежно стала восприниматься мною как должное. Я смотрел на кинжал, мирно висевший на стене, и думал, что и мне больше не видеть «любовного боя», не чувствовать запаха горячей крови.

* * *

Роковое знакомство произошло тоже в борделе. Нет лучше места для потворства моей страсти наблюдать чужие наслаждения. Не является ли это самым разительным примером человеколюбия, когда чужое наслаждение вызывает во мне самое наслаждение не менее сильное. Если ты видишь горе чужого тебе человека, то сочувствие, тобою испытываемое не сравнится по силе с чувствами самого страдальца. Так и в радости от успехов на служебном поприще: человек, их достигнувший, будет намного счастливее, чем посторонний доброжелатель, прослышиавший об этих успехах. Но когда мы видим чужие любовные наслаждения, они не только вызывают наслаждение и в нас, но наслаждение наше оказывается не слабее, а подчас и сильнее, чем наслаждение участия. Я убежден, что в мире нет прекрасней картины, чем вид хуя, ныряющего и выныривающего из пизды. А увидеть это во все глаза можно, только наблюдая со стороны. Когда ебешь сам и отстраняешься, чтобы посмотреть на чудо, ты всегда видишь зрелище сверху — не увидеть, как твои яйца елозят по ее промежности. Можно, конечно, мудрить с зеркалами, но это не то. Кроме того, когда ебешь, ты слишком увлечен ощущениями хуя и не можешь полностью отдаваться зренiu. Поэтому, как зрелище, меня больше волнует чужой хуй, входящий в пизду, чем свой собственный. Недаром древние римляне требовали не хлеба и наслаждений, хлеба и зрелищ. Моя страсть к зрелищам уготовила мне знакомство, которое теперь может обернуться моей смертью. У Софьи Астафьевны есть специальная комната, в стене которой сделан глазок. В него позволяет смотреть за особую плату. В эту комнату отправляются случайные клиенты, частые гости могут занять соседнюю комнату и наблюдать за действием. В тот вечер я взял с собой Нину, умелицу. Я поставил ее перед собой на колени, а она знала, что делать и знала прекрасно. Пока Нина усердствовала, я прильнул к глазку, и увидел Лизу, скачущую на каком-то «жеребце». Девочки были обучены, находясь в смотровой комнате, разворачиваться рабочей частью к глазку, и ставить рядом подсвечник. Я видел бледный зад Лизы с розовым прыщиком на левой ягодице. Она согнулась над своим гостем, и ее пизда со скользящим в ней хуем сверкала. Всякий раз, когда хуй вылезал из пизды, чтобы опять нырнуть поглубже, он вытягивал за собой бахромку блестящих алых внутренностей. Погружаясь, он запихивал их обратно, в глубину. На полу валялась форма кавалергарда. Он кончил, насадив Лизу так

глубоко, что пизда пропала из виду. Лиза соскочила с него и побежала подмываться. Тогда я увидел его лицо — это был Дантес, которого недавно приняли в гвардию и от которого все женщины сходили с ума. Мы не были представлены друг другу, но мне раз указали на него в доме, где собирались самые прекрасные женщины Петербурга. Я стоял рядом с Н., которая тоже увидела его впервые. И у нее вырвалось: «А он действительно необыкновенно красив!» Кровь бросилась мне в голову. И в мгновенье, когда мне это вспомнилось, я кончил, а Нина глотала и глотала. И вдруг я с озлоблением подумал о Н., которая в те редкие разы, когда я уговариваю ее взять мой хуй в рот, всегда давится, откашливается и с отвращением выплевывает мое семя. Дьявольская мысль пришла мне в голову — а выплюнула бы она его семя? Только один ревнивый ответ являлся мне и низвергал меня в пучину ненависти: небось проглотила бы, не поперхнувшись, да еще губы облизала б. Отправляясь домой, я проходил через залу и увидел пьяного Дантеса с еще одним кавалергардом. Они пили с Лизой и Тамарой. Дантес говорил по-французски, а приятель переводил. Лиза, заметив меня, послала мне поцелуй, а Дантес обернулся в мою сторону и широко улыбнулся: — Я бьюсь об заклад, что Вы — Пушкин. — Не имею честь, — холодно бросил я, проходя мимо. — О, позвольте же отрекомендоваться, — браво вскочил он с дивана и последовал за мной. Он забежал вперед, отвесил поклон и назвался. Я кивнул и прошел в переднюю. Он, пошатываясь, двигался за мной по пятам. — Я человек в Петербурге новый, и мне хотелось бы сойтись с Вами поближе, — сказал он. — Это не самое удобное место для знакомства, — вынужден был ответить я. — Отчего же? Напротив. Этот дом располагает к сближениям. Я остановился и посмотрел на него с любопытством. Я тогда не представлял, сколько еще его каламбуров мне предстоит услышать. А он тем временем продолжал: — Вот Вы — знаменитый поэт, а не задумывались ли Вы над самым великим поэтическим явлением в природе? Мне стало интересно, что же он скажет, и я медлил уходить. — Глядя на любую женщину, я знаю совершенно твердо, что у каждой из них есть пизда. Да-да, простой факт, но сколько поэзии в этой непоколебимой уверенности. Ведь только она дает нам цель в поведении с любой женщиной. Не будь этой уверенности, нас бы охватила тоска, ведь женщины в обществе ведут себя так, будто у них нет пизды. Я не смог сдержать улыбки от подобия наших мыслей и сказал ему, что, когда он выучит русский, я дам ему почитать мою сказку, где уверенность, о которой он говорит, подвергнута сомнению. Чтобы не продолжать с этим юношей разговор, который мне было неприятно вести, я наскоро простился. При других обстоятельствах и с кем-либо другим я бы с удовольствием завязал занимательную беседу, но у меня с первого взгляда сердце не лежало к Дантесу. Кроме того, после женитьбы я даже с близкими друзьями опасался обсуждать прелести ебли и пизды, что всегда было моей любимой темой разговора. Я понимал, что разговор на эти темы женатого человека вовлекает в них его жену, ибо любое замечание будет неизбежно приниматься на ее счет. А имя жены должно быть неприкосновенно. Когда же я стал изменять Н., я перестал сдерживаться и в словах: я вернулся к любимым темам разговоров, упоминая других женщин. Но собеседники мои по-прежнему приписывали все Н., что я ни скажу. Теперь мне стало это понятно. Но, увы, слишком поздно. С тех пор, встречаясь в свете с Дантесом, я всегда ловлю на себе его плутовской взгляд. Однажды он даже осмелился подмигнуть мне, но увидев гнев, полыхнувший на моем лице, больше не решается на подобную вольность. Всякий раз, когда он танцует с Н., у меня такое чувство, что он ебет ее — уж слишком он уверен в наличии у нее пизды, он лишен всякого романтического сомнения. Эта мысль не оставляет меня и приводит в бешенство, поэтому я ухожу из

танцевальной залы и глушу свою ревность азартом картежной игры или волочусь за красавицами... © M. I. P. Company